

ИСТОРИЯ

УДК [947+957] "18"

О.Н. Мухин

ФЕНОМЕН «ИГРЫ В ЦАРЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

Рассматриваются проявления так называемой «игры в царя» (ситуаций, характеризующихся временным присвоением царского титула «рядовому» лицу), бытовавшей в политической культуре России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в., и делается попытка объяснения ее психосоциального смысла.

Ключевые слова: власть; игра; идентичность; монархия.

Эпоха Петра I изобиловала явлениями, воспринятыми современниками как отклонения от принятых культурных норм. Одним из таких явлений была так называемая «игра в царя», формы которой можно проследить на протяжении всей жизни этого монарха. Олицетворением этой игры являлся знаменитый окольничий князь Федор Юрьевич Ромодановский, носивший причудливый титул князя-кесаря, сопровождавшийся вполне реальными полномочиями главы Преображенского приказа, органа политического сыска. Петр, известный своим стремлением проходить ступени службы наравне со своими подданными, демонстрировал свое иерархически подчиненное положение рядового служащего по отношению к этому псевдомонарху, именуюя себя либо Петром Алексеевым, либо Петром Михайловым, и постоянно отчитывался перед ним в своих действиях, получая из его рук повышения в чинах и поощрения. Символическим выражением статуса Ромодановского являлось его исключительное право (или обязанность) носить традиционную одежду, причем на праздниках он, его жена, а позднее и сын обряжались в старомосковские царские наряды. На свадьбе шута Шанского в 1702 г. Федор Юрьевич Ромодановский был в одеянии русского царя XVII в. [1. С. 157]. На одном из маскарадов в сентябре 1721 г. его сын Иван Федорович Ромодановский явился в costume «древних царей», т.е. в бархатной мантии, подбитой горностаем, в золотой короне и со скипетром в руке, окруженный толпой слуг в старинной русской одежде [2. С. 210].

Первое документально засвидетельствованное обращение Петра к Ф.Ю. Ромодановскому как подданного содержится в письме от 19 мая 1695 г. [3. С. 29, 30]. Однако уничижительное самоименование юного самодержца, восходящее к русской традиции подписи челобитных царю, можно встретить ранее, в его письме к матери, царице Наталье Кирилловне от 1689 г. [3. С. 11]. Причем, что интересно, уже здесь мы видим явно шутливое сочетание русской и латинизированной форм (отражавшей уже тогда формировавшиеся умонастроения Петра, характеризовавшиеся вольным и часто ироничным, прямо таки постмодернистским смешением разных традиций) – «Недостойны Petrvs». Иначе в письмах к матери он подписывался «Недостойный Петрушка» [3. С. 15, 16], Petrv [3. С. 16], Petros [3. С. 17]. Для сравнения: письма к брату Ивану Алексеевичу Петр подписывал либо «Petrvs» [3. С. 21, 24, 25], либо «брат твой Петр» [3. С. 38, 39]. То есть в переписке с «консервативным» членами своей семьи

царь в юные годы проявлял спутанность своих культурных ориентаций.

В это же время в письмах к членам своей «компании», а также к любимой сестре Наталье Алексеевне, поддерживавшей на протяжении всей жизни модернизацторские устремления Петра, царь подписывался просто «Piter» (см. например, письмо к Наталье: [3. С. 77]; к Ф.М. Апраксину: [3. С. 17–20 и др.]; к А.А. Виниусу: [3. С. 22, 23 и др.]; как и к А.Ю. Кревету, и П.А. Гордону и др.). Были и более сложные, часто полностью латинизированные – Schiper Fon ship santus profetities («скипер корабля "Святое пророчество"») в письме к Виниусу: [3. С. 23, 24] или «Bombardir Piter» (к нему же: [3. С. 30, 31]). То есть нигде нет и намек на царскую титулатуру (причем Петр категорически настаивал на ее отсутствии и в ответных обращениях к нему).

Но именно игровые отношения с Ромодановским дают простор самопринижающей фантазии Петра. Вот лишь несколько вариантов подписей: «Всегдашний раб пресветлейшего вашего величества бомбардир Piter» [3. С. 29–30], «Холоп ваш Kaptein Piter» [3. С. 57] или латинизированные версии этих же выражений: «Aldach ir Kneh Piter» [3. С. 74–75], или «Iv Aldah Kneh Piter» [3. С. 145], «Iv daheleix Knech Piter Kamondor» [3. С. 78].

Соответственно, Петр вовлекает в эту игру и своих сподвижников, также вынужденных именовать Федора Юрьевича своим государем. При этом даже в созданном им самим игровом мире Петр не ставит себя на первое место. В одном из писем к Ромодановскому содержится целый список компании царских приятелей, где имя царя стоит на предпоследнем месте: «Нижайшие услужники пресветлого вашего величества: Ивашка меньшей Бутурлин, Яшка Брюс, Фетка Троекуров, Петрушка Алексеев (курсив мой. – О.М.), Ивашка Гумерт чолом бьют» [3. С. 32]. Любопытно и то, что такое игровое приниженное положение по отношению к князю-кесарю Петр поддерживает не только при обращении к самому Ромодановскому, но и в письмах к другим лицам. Так, письмо к А.Ю. Кревету, посланное в мае 1695 г. подписано «его пресветлейшества генералиссимуса князь Федора Юрьевича бомбардир "Piter"» [3. С. 31]. Последнее такого рода письмо, по свидетельству Н.И. Павленко, Петр написал за три месяца до своей смерти [4. С. 510]. (Напомню, что после смерти Федора Юрьевича в 1717 г. его сын Иван Федорович принял отцовскую должность главы Преображенского

приказа вместе с титулом князя-кесаря и почтительно-стью «преданного подданного».) В 1722 г. Петр, отправляясь в Каспийский поход, написал ему отчет за подписью «вашего величества нижайший слуга Петр» [4. С. 510]. Все это свидетельствует о жизненной важности этой игры для Петра.

Игра была взаимной. Ромодановский периодически, вживаясь в роль, упрекал царя в тех или иных проступках в терминах господства-подчинения. Так, по рассказу царского токаря А.К. Нартова, однажды князь-кесарь отчитал Петра за то, что тот не снял перед ним головного убора в следующих выражениях: «Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне цесарю и шляпы» [4. С. 37]. В ответных письмах князю-кесарю Петр часто оправдывается: «В последнем письме изволишь писать про вину мою, что я ваши государския лица вместе написал с'ьными, и втом прошу прощения, потому что карабельщики, наша братья, в чинах не искусны» [3. С. 62]. Или: «Хотя через сии две почты вашими государскими грамотами и не взыскан есмь, что причитаю в некоторый гнев, что не слышу про ваше государское здоровье; однако, по должности своей рабской, доношу...» [3. С. 74].

Однако легко заметить, что оправдания эти явно пронизаны иронией. О том, что Петр, при всей привязанности к этому стилю отношений никогда не забывал об условности ситуации, свидетельствуют те случаи, когда царь, отбросив видимость покорности, употребляет свой монарший авторитет, дабы поставить князя-кесаря на место. Например, часто цитируется следующее послание Петра Ромодановскому из Голландии в связи с инцидентом, в котором от усердия главы Преображенского приказа пострадал Яков Вилимович Брюс, явившийся к царю из Москвы с изуродованным в застенках лицом. Петр с гневом писал: «Зверь, долго ль тебе людей жечь? И суды раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ывашкою (Ивашка Хмельницкий, шутовской аналог Бахуса. – *О.М.*). Быть от него роже драной!» [4. С. 73]. То есть для всех участников игры оставалось совершенно ясным, кто на самом деле истинный повелитель.

Все это демонстрирует сложность феномена «игры в царя», объяснить который невозможно без обращения к психологическим особенностям личности Петра и вместе с тем к социокультурному контексту бытования этой игры. Оговорюсь, что понятие игры в данном случае будет соотноситься не столько с его культурологической трактовкой Й. Хейзинги, сколько с психоаналитической концепцией Э. Берна, который понимает под игрой вид деятельности или поведения человека, имеющей, помимо очевидной, также и некую скрытую мотивацию. Роль такой игры в жизни человека – облегчение бессознательных психологических проблем (см. об этом подробнее: [5, 6]). Прежде чем попытаться прояснить привязанность Петра к этой игре, проследим истоки ее появления в России. Как и во многих других случаях, Петр не был здесь первооткрывателем, но лишь творческим интерпретатором уже существовавшей традиции.

Явление «игры в царя» встречается на протяжении XVII в., причем оно имело довольно широкую социальную базу. И.И. Полосин, введший в оборот это понятие, приводит следующие свидетельства: в 1620 г.

имело место дело князей Шаховских, а в 1666 г. – дело тверских крестьян. И в том и в другом случае основой для обвинения являлось обряжение одного из участников пьяных увеселений в царя, остальные же присутствующие выступали в роли служилых людей или бояр. И.И. Полосин справедливо связывает это явление с обилием самозванцев в годы Смуты, приведшим к падению авторитета царской власти [7].

Случаи, отчасти напоминающие описанные И.И. Полосиным, когда царский титул «всую» присваивался простолюдными, чаще всего «спроста» либо в подпитии, неоднократно встречаются и в петровское время. Приведу лишь один пример. В 1720 г. колодник Михаил Костянтинов в Нижнем Новгороде объявил «государево слово о бунте» на колодника же Максима Зуева. Когда Костянтинов, Зуев и другие колодники сидели в остроге за обедом, колодник Семен Пономарев поднес квасу колоднику Денису Иванову. Зуев же сказал: «...для чего он подносит мимо его Зуева он де Зуев царь еще де есть двое таких же на Городце и в Пурихе, а хто имяны такие двое, и каких чинов люди и где на Городце и в Пурихе живут, того не выговорил». Иванов за то его матерно ругал и говорил, что «у нас де един царь Петр Алексеевич», на что Зуев ничего не сказал [9. Л. 2]. В расспросе Зуев показал, что тогда напился пьян и потому не помнит, говорил ли те непристойные слова, а когда проспался, то колодники ему про то говорили [8. Л. 2–3]. На очной ставке Костянтинов слова повторил, а что говорил их Зуев в пьянстве, того не признал. Свидетели, допрошенные порознь, другие колодники, подтвердили, что за обедом Зуев говорил, «я де деньги делаю и сам я царь», а слов про двух человек на Городце и в Пурихе не слышали, а Зуев в те времена был пьян [8. Л. 3]. Остальных колодников отослали к «камисарству», а Костянтинова и Зуева оставили до присылки еще одного указанного извetchиком свидетеля колодника Мурашкина [8. Л. 4]. Решения по делу в выписке не значится.

Конечно, в данном случае речь идет лишь об отголосках того простроенного игрового поведения, которое демонстрировали князья Шаховские или тверские крестьяне в XVII в. Примечательно, что окружающие теперь не поддерживали этих «претензий» простонародных «царей», что связано, видимо, с большей прочностью позиций самодержавия в этот период, а также с возросшей опасностью произнесения таких речей в петровское время, «славное» атмосферой доносительства. Но сходная природа такого поведения, берущая начало в кризисе должностной царской харизмы, вызванного Смутой и обострением социальных проблем в XVII столетии, очевидна (тем более что петровское царствование давало массу дополнительных поводов для подпитки негативного образа царской власти).

Однако игровое поведение Петра больше напоминает, хотя и со значительными расхождениями в результатах, не эти развлечения рядовых россиян, но некоторые эпизоды из жизни Ивана IV. В 1567 г. Грозный велел одеть конюшого, боярина Ивана Петровича Федорова, заподозренного в заговоре, в царское платье, дать ему скипетр и другие знаки царского достоинства, посадил на трон, поклонился в ноги и воздал все почести, полагаемые царю, а затем собственноручно убил его [1. С. 154]. В 1575 г.

Иван поставил на царский трон касимовского царевича Симеона Бекбулатовича, сам же назвал князем Московским и выехал из Кремля. Ездил царь как простой боярин и писал великому князю Симеону верноподданнические челобитные: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу вся Руси, Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьет» [9. С. 48]. По прошествии года эта игра прекратилась.

И.И. Полосин отмечал, что «психологические корни «игры в царя» мало доступны изучению», и добавлял, что легче понять, когда в такой игре принимают участие мужики и бояре, нежели сами цари [7. С. 63]. Вполне в согласии в такими высказываниями одни исследователи даже не пытаются объяснить смысл этого явления (как, например, один из виднейших специалистов по истории петровского времени Н.И. Павленко), ограничиваясь простой констатацией его наличия или ссылкой на «грубые нравы» и «дурной вкус» времени; другие дают чисто рациональные токования. Так, по мнению Б.А. Успенского, «игра в царя – разновидность самозванчества, полностью освобожденного от каких бы то ни было политических притязаний – «самозванчество в чистом виде». Поэтому, обвиняя боярина Федорова в незаконном притязании на царский престол, Иван делает его царем, но царем самозванным [1. С. 155]. Далее, поставив Симеона Бекбулатовича, татарского хана, чей отец, царевич Бекбулат, приходился внуком Ахмату, последнему хану Золотой Орды, на русский престол, Иван делал ряженым самозванным царем того, кто имел ранее право называться царем и править русским государством, т.е. прежние татарские ханы выставлялись ложными царями. А это, в свою очередь, подчеркивало истинность и исключительность царского статуса самого Ивана IV. То есть, заключает Б.А. Успенский, в обоих случаях «игра в царя» имеет у Ивана Грозного символический характер и служит целям политического разоблачения (в первом случае конкретного лица, в другом – государственного принципа) [1. С. 156]. Эти построения объясняют некоторые черты «игры в царя», однако, как представляется, не раскрывают всех ее мотивов, носивших во многом характер бессознательных процессов.

Попробуем разобраться с «психологическими корнями» этого явления. В первую очередь, очевидно, что «игра в царя» маркировала собой кризисные, переходные периоды, которые требовали выработки новых парадигм царской власти, или, пользуясь терминологией Р.С. Уортмана, властных сценариев [10]. Таковым периодом являлось время Ивана Грозного, когда царь и народ делали выбор между (если сформулировать в упрощенном виде) сословно-представительной монархией и самодержавием. Утверждение новой династии после многолетней Смуты, становление российского варианта абсолютизма в течение «бунташного» XVII столетия, церковный раскол также отражали затянувшееся кризисное состояние общества. И тем более очевидным историческим перекрестком была эпоха Петра I. Отсюда напрашивается предположение о компенсаторной функции «игры в царя», что вполне согласуется с данным выше определением игры как деятельности со скрытыми смыслами. Специфика становления идентичности Петра дает наглядный материал для понимания работы этого психологического механизма.

Если, как отмечалось, Петр в письмах обращается к Ф.Ю. Ромодановскому как подданный к повелителю по крайней мере с 1695 г., то другие свидетельства показывают, что складывание таких перевернутых вертикальных отношений началось раньше. В 1691 г. состоялось первое зафиксированное очевидцами широкомасштабное потешное сражение, организованное Петром в селе Семеновском. Ромодановский в ходе этого «побоища» числился «генералиссимусом Фридрихом», в войсках которого «служил» ротмистр Петр Алексеев [11. С. 112]. Похожая «забава», только в еще больших масштабах, произошла под Кожуховым в 1694 г., где Ромодановский опять значился генералиссимусом. Характерно, что когда началось первое серьезное дело Петра – Азовские походы, то и на этот раз царь, принимавший самое деятельное участие в руководстве боевыми действиями, формальными руководителями ставил других людей, сам занимая весьма скромные посты. Здесь и берет начало практика реального прохождения Петром всех ступеней выслуги, своего рода «игра в службу», тесно связанная с «игрой в царя».

Хорошо известно, что Петр не любил официального церемониала, причем связано это было не только с ненавистью к московской старине, как это часто объясняется в литературе. Ведь Петр не соблюдал и европеизированных форм этикета и ритуала, как это ярко демонстрирует его поведение во время двух поездок за границу (1697–1698 и 1716–1717 гг.). У этого неприятия, достигавшего едва ли не стадии фобии³, было две основных причины: стресс, пережитый Петром в десятилетнем возрасте, когда во время стрелецкого бунта он стал свидетелем жестокой расправы со своими родственниками и приближенными, и последующее пребывание в загородных резиденциях, где юный царь имел возможность выбирать себе занятия по душе, перемежая ими официальные статусные обязанности. Голштинский придворный Ф.-В. Берхгольц в 1723 г. присутствовал на приеме персидского посла и так описывает поведение императора: «Его величество вовсе не любит таких церемоний, и когда около 12 часов ему доложили, что посол уже близко, лицо его покрылось краскою, которая заставила его даже смутиться перед императрицею». И далее, когда посол удалился: «Император был рад, что аудиенция кончилась и что наконец можно было сойти с трона, на котором он сильно потел и часто для бодрости нюхал табак» [12. С. 133, 134]. (И это триумфатор, многократный победитель шведов и персов на суше и на море!) Таким образом, идентичность старомосковского царя стала для Петра ассоциироваться со страшной опасностью (тем более, что последующий стрелецкий бунт 1698 г. закрепил эти страхи), и одновременно он получил доступ к тем сферам деятельности, которые были далеки от царских, давая ему возможность творческого созидания идентичности новой, так сказать, «авторской».

Важно, что в результате переживания детства основным свойством психики Петра стало базовое недоверие (по терминологии Э. Эриксона [13. С. 238]), направленное как на внешний мир, так и на самого себя, в борьбе с которым пройдет вся его жизнь (кстати, то же самое можно сказать и об Иване IV, также пережив-

шим ряд тяжелых стрессов в детском возрасте). Одним из бессознательных средств борьбы и стала его феноменальная работоспособность и стремление достичь командных степеней благодаря собственным заслугам (ничего подобного в случае Ивана не наблюдается). Так Петр стремился доказать окружающим и самому себе собственную состоятельность как правителя огромной державы, умеющего и знающего буквально все, к чему он призывал своих подданных.

В связи с «игрой в службу» вырисовывается одно из возможных объяснений присвоения Ф.Ю. Ромодановскому игрового правящего статуса. Во время Азовских походов и Великого посольства князь-кесарь оставался фактическим руководителем боярского правительства. Такая практика существовала и до Петра в случае отъезда царя из столицы. Петру был нужен человек, правивший бы в его отсутствие и на которого можно было положиться (и выбор Ромодановского был верен – князь-кесарь отличался крайней преданностью своему монарху). Кроме того, для придуманной Петром «игры в службу» необходим был формальный «начальник», который поощрял бы карьерный рост царственного «подданного». Но при этом Петр не желал признавать над собой реальной власти, т.к. главная цель его жизни – максимальное усиление собственного могущества как преодоление базового недоверия. Отсюда пародийное снижение образа Ромодановского. Уже упоминалось, что на маскарадах тот должен был являться в традиционных царских одеждах, а это, как отмечает Б.А. Успенский, подчеркивало несерьезность его властных полномочий, т.к. в это время русское платье стало маскарадным, каковым раньше, напротив, было «немцкое» [14. С. 525].

О таком противоречивом отношении Петра к власти и подчинению говорит факт, на который исследователи, как правило, не обращают внимания. На самом деле, Петр далеко не всегда проходил все ступени службы согласно выслуге. Н.И. Павленко, ссылаясь на документы, показывает: в первом Азовском походе Петр был бомбардиром, второй закончил уже капитаном, а 6 августа 1706 г. вне очереди получил чин полковника. Он сам писал Ромодановскому, что чин присвоен «не по долгу службы нашей, но единых ради щедрот ваших» [15. С. 44]. После Полтавы он уже сам, не дожидаясь «высшего соизволения», хлопотал, чтобы ему присвоили чин штурмбанхата (контр-адмирала. – *О.М.*) и ранг генерал-лейтенанта, каковые и получил, причем в письме Ф.М. Апраксину сам же писал, что генерала заслужил Полтавской победой, а контр-адмирала получил авансом и намерен отработать эту милость в дальнейшем. В 1713 г. Петр получил чин полного адмирала за успехи в сухопутных сражениях, чему удивлялся в письме к Екатерине, сравнивая этот случай со странностью получения чина штурмбанхата за Полтаву, видимо, как замечает Н.И. Павленко, забыв, что сам его в тот раз и выпросил [15. С. 45]. Следует вспомнить, что и рядовым матросом Петр никогда не был, начав морскую службу сразу в ранге шкипера.

Не менее характерный пример дает нам и другой род царской службы. Несколько лет по возвращении из Великого посольства Петр служил корабельным мастером на верфи. Сохранились его расписки о получении

жалованья, из которых явствует, что он получал самый высокий оклад для русского специалиста – 366 рублей; следующий за ним Федосей Скляев получал 200 рублей, а А.Д. Меншиков – 180 [15. С. 46]. Если мы вспомним, что во время Великого посольства Петр Михайлов являлся десятником среди «волонтеров», то выходит, что кроме бомбардирского звания (хотя и здесь, как упоминалось выше, уже в 1691 г. Петр значился ротмистром, а не рядовым), царь никогда не пытался занять положение, где бы от него ничего не зависело. Да и его «непосредственное начальство», видимо, всегда помнило, с кем имеет дело, забывая в данном случае о требуемой самим царем беспристрастности. Однако важным остается тот факт, что Петр не отказывался от таких «поблажек» (т.е. результат – достижение командных постов – был для Петра все-таки важнее, нежели соблюдение формальностей иерархии, что лишний раз подтверждает игровой характер царской службы).

Это позволяет заключить, что одна из основ «игры в службу» как составной части «игры в царя» – отражение садомозахистских, в понимании Э. Фромма, черт характера Петра. По мнению Э. Фромма, мазохистские тенденции определяются наличием у человека чувств собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности, от которого он хочет избавиться, но в подсознании чувства эти сохраняются, проявляясь в ощущении зависимости от внешнего контроля (других людей, организаций, природы, высших сил) [16. С. 125]. В более тяжелых случаях может появиться стремление нанести себе вред, причинить страдания. На рациональном уровне мазохизм обычно скрывается под маской любви, верности, а страдания оправдываются его неизбежностью. Садистские тенденции проявляются в стремлении поставить других людей в зависимость от себя, приобрести полную власть над ними, причинять им страдания. Садизм рационализируется сверхзаботой и сверхдобротой или уверенностью в собственной необыкновенности (я лучше знаю, я уникальная личность, другие меня обидели, теперь я законно мщу и т.п.) [16. С. 126, 127]. Важно, что эти две черты характера, как правило, сочетаются.

Петр – замечательная иллюстрация теории Э. Фромма. Он сам всецело отдавался высшей идее – идее служения Отечеству, оправдывая этим любые свои действия. Чего стоит только жертвоприношение ему царевича Алексея! В своем письме к сыну Петр так объясняет свои к нему претензии: «...известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, и ни мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устраску пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, **ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть?** (выделено мной. – *О.М.*) Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный» [17. С. 555].

Одновременно Петр в жесточайшей форме требует того же от подданных. При этом идея служения Отечеству есть не что иное, как рационализация собственного непомерного, болезненного властолюбия. Точно такую же роль для Ивана Грозного играло Божественное проведение. И Иван, и Петр испытывали подсознательный страх перед подданными, порожденный их

собственной авторитарностью и нарушением традиций, и потому нуждались в некоей абстрактной высшей идее, которая оправдывала бы их действия. Это наглядно иллюстрирует и хорошо известная склонность Петра подчеркивать собственную исключительную роль в судьбе России, которую он вывел из «небытия», создал заново как «Учитель» или «Пигмалион».

Отсюда вытекает возможность следующего объяснения «игры в царя»: Петр специально позволял Ромодановскому сохранять приверженность старине, сделав его своим главным «заплетным дел мастером» и, соответственно, как бы перекладывая самые черные черты своего правления на представителя старой идентичности. Здесь можно проследить своего рода архаические реминисценции. Дело в том, что психические процессы, идущие на подсознательном уровне, если можно так выразиться, более «консервативны», нежели сознательные, подвергающиеся социальным «деформациям». Поэтому в сходных ситуациях в самые различные эпохи человек может демонстрировать, повинувшись бессознательным инстинктам, сходные модели поведения. Отличаются же такие ситуации конкретными формами проявления, в частности различной степенью рационализации этих моделей. Фактически князь-кесарь Ромодановский, помимо прямых функций заместителя царя во время его частых продолжительных отлучек, исполнял роль своего рода «жертвенного царя» архаики. Испытывая в глубине души подсознательные страхи перед отпадением властных функций, Петр с юного возраста вместо себя выставляет подставную фигуру, как бы стремясь тем самым отвести от себя беду. Так поступали цари архаических обществ, когда подходил к концу срок их правления, заканчивавшийся их умерщвлением. Ромодановский – своего рода «громоотвод» судьбы. Сравните роль «шутовского короля» на средневековых праздниках. Связь этих явлений с архаическими верованиями замечательно показал Дж. Фрэйзер [18].

Если вспомнить о проявлениях «игры в царя» времен Ивана Грозного, то в эпизоде с Симеоном Бекбулатовичем такое объяснение проявляется буквально. Есть версия, что Иван Грозный, постоянно окруженный прорицателями и астрологами, получил предсказание о смерти царя Московского в 1575 г., и Симеон Бекбулатович должен был принять на себя этот удар. Действительно, по истечении года Иван вновь расположился на троне [19. С. 315–316]. Правда, Р.Г. Скрынников объясняет эту историю исходя из более «материальных» факторов, однако и его версия вполне вписывается в высказанное предположение. По мнению исследователя, подставная фигура нужна была Ивану IV для санкционирования нового витка опричного террора. Причем выбор татарского царевича был также не случаен: воскрешая воспоминания об ордынском иге, Иван устранял возможность привлекательности нового «царя» в глазах подданных (как бы «снижая» его образ) [20. С. 200 и т.д.]. За есть и в данном случае «царь Московский» Симеон – «громоотвод», на который перекладывается ответственность за неприглядные черты правления грозного царя (явная параллель с Ф.Ю. Ромодановским).

Это объяснение выводит нас на предположение, что данное явление могло иметь помимо бессознательных

и вполне осознанные мотивы. Юст Юль в качестве такого «громоотвода» определяет князя А.Д. Меншикова. По словам датского посланника, светлейший должен был отвлекать на себя ненависть пострадавших от монаршей несправедливости. «А про царя говорят, что сам он добр, на князя же падает вина во многих вопросах, в которых он нередко невинен, хотя вообще он и не отличается справедливостью, а во всем, что относится до почестей и до наживы, является ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиною» [21. С. 256]. По словам Юля, если царь не хотел оказывать каких-либо услуг или выплачивать деньги, он отсылал просителя к Меншикову, отговариваясь при этом тем, что сам он являлся всего лишь генерал-лейтенантом, тогда как князь – фельдмаршал. При этом Меншиков действовал так, как предупреждал его заранее Петр.

Иначе расценивает историю с Симеоном Бекбулатовичем митрополит Иоанн, склонный идеализировать личность и деятельность Ивана Грозного. Начинает он с максимально рационального объяснения, кстати, проводя параллель и с Петром: «В 1575 году, как бы подчеркивая, что он является царем «верных», а остальным “земским” еще надлежит стать таковыми, пройдя через опричное служение, Иоанн IV поставил во главе земской части России крещеного татарина — касимовского царя Семена Бекбулатовича. Каких только предположений не высказывали историки, пытаясь разгадать это «загадочное» поставление! Каких только мотивов не приписывали царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец, просто “прихоть тирана”... Не додумались лишь до самого простого — до того, что Семен Бекбулатович действительно управлял земщиной (как, скажем, делал это князь-кесарь Ромодановский в отсутствие Петра I), пока царь “доводил до ума” устройство опричных областей» [22. С. 639].

Однако далее Иоанн подмечает одну важную черту, которая снова возвращает нас к бессознательной мотивации поведения царя: «Был в этом “разделении полномочий” и особый мистический смысл. Даруя Семену титул “великого князя всея Руси”, а себя именуя московским князем Иваном Васильевым, царь обличал ничтожество земных титулов и регалий власти перед небесным избраннычеством на царское служение, запечатленным в Таинстве Миропомазания. Он утверждал ответственность русского царя перед Богом, отрицая значение человеческих названий. Приучая Русь, что она живет под управлением Божиим, а не человеческим, Иван как бы говорил всем: “Как кого ни назови — великим ли князем всея Руси или Иванцом Васильевым, а царь, помазанник Божий, отвечающий за все происходящее здесь — все же я, и никто не в силах это изменить”» [22. С. 639]. Можно с изрядной долей уверенности утверждать, что навряд ли грозный царь выстраивал свое поведение в данном ключе осознанно.

Таким образом, в качестве одного из ведущих мотивов «игры в царя» здесь выдвигается тяга к самоутверждению монарха. Сходную идею относительно Петра высказывает Л. Хьюз. Рассуждая об известной привязанности царя-реформатора к маленьким скромным жилым помещениям, она отмечает, что житие в домах

«как у всех» дополняло его образ человека, выслужившегося своими стараниями из нижних чинов, мастера различных ремесел и его неприятие высоких титулов и ритуалов. Они составляли часть его игры и присвоения альтернативных идентичностей. Здесь исследовательница проводит параллель с пристрастием Петра рядиться на маскарадах в костюмы фрисландских крестьян или голландских матросов и делает вывод, что, входя в роль или выходя из нее, иногда без предупреждения, абсолютный правитель самой большой в Европе страны утверждал свое право быть тем, кем захочет [23. С. 636, 637]. Замечательно оттеняет этот вывод приводимый Л. Хьюз эпизод с посещением Наполеоном дома Петра в Голландии. Французский император выразил неудовольствие абсурдным, по его мнению, поведением Петра. Л. Хьюз комментирует это так: Наполеон вырос до императора из низов, в отличие от наследного правителя Петра, который, выбрав уничтожение и заставляя других ему подыгрывать, скорее демонстрировал свою абсолютную власть, нежели унижал ее [23. С. 637].

В другой публикации американская исследовательница дает дополнительные пояснения скрытого смысла «игры в службу» для Петра, также связывая ее с личностным самоутверждением царя-реформатора. Рассматривая роль в окружении Петра I Федора Алексеевича Головина, так называемого князь-баса, она считает, что тот, наряду с князем-кесарем и князь-папой, служил для оттенения собственных петровских достоинств. Бас (или баас) – от голландского «корабельный мастер». Это звание дано было Ф.А. Головину в насмешку, т.к. по возвращении из-за границы, где он обучался мастерству кораблестроительства, он продемонстрировал свое полное невежество в этой области. В доказательство приводятся следующие высказывания современников: польский аноним отмечал, что «не Головин, но сам царь является настоящим экспертом», а голштинский придворный Г.-Ф. Бассевич, рассказывая историю провала Головина в обучении, писал: «к счастью для морских дел, сам царь на деле представляет все обязанности этого поста» [24. С. 49]. Л. Хьюз отмечает, что в жизни Петра стало постоянной традицией давать должности непрофессионалам, в пикну принятому представлению о нем как ценителе в человеке профессионализма (так, например, было с Лефортом и Шеиным во время Азовских походов). Но дело здесь, конечно, не в неумении разбираться в людях. Петр таким образом подчеркивал: не князь-кесарь Ромодановский, а он – настоящий правитель и император, не князь-папа Н.М. Зотов, а он – настоящий защитник православной церкви, не Головин, а он – настоящий основатель флота и «новый Ной». А они – его несовершенные двойники, все с изъянами в своей или своих предков репутации (Ромодановский любитель старины, Зотов пьяница, Головин недоучка в корабельном деле) [24. С. 49].

Кроме того, эти подставные лица демонстрировали, что можно изъяны исправить верной службой. Все они занимались важной работой. Как уже отмечалось, Ромодановский руководил политическим сыском. Зотов многие годы возглавлял царскую канцелярию. Ф.А. Головин командовал морским подразделением в финляндской кампании в 1714–1715 гг., видел битву

при Гангуте, с 1720 г. руководил якорными факториями в Санкт-Петербурге и был камер-советником Адмиралтейств-коллегии. В 1721 г. он стал командующим галерным флотом, а в 1732 г. адмиралом. То есть это все абсолютно лояльные и близкие к царю люди. Так как Петр часто попадал в уязвимую позицию в отношениях с недовольными подданными, то, по мнению Л. Хьюз, эти «избранные» должны были демонстрировать полную покорность, безропотно перенося удары и неуважение. Кроме того, присутствие Головина при дворе демонстрировало, что отсутствие талантов не повод для увеливания и что промахи, даже по прошествии десятилетий, должны быть возмещены и, в то же время, что позиция царского фаворита дает больше защиты, чем квалификация, прежде всего верность [24. С. 51]. И хотя здесь речь больше идет о рационалистических основаниях «игры в службу», но легко заметить и ее бессознательные мотивы: речь опять-таки идет о снятии тревожности и самоутверждении Петра за счет окружающих.

Еще более этот бессознательный компенсаторный пласт виден в явственных попытках Петра в ходе «игры в царя» высмеять те черты старой идентичности, которые были ему ненавистны. Как уже отмечалось, сам Федор Юрьевич и его супруга (а позднее и его сын) неизменно являлись на празднества в старой русской боярской одежде, причем Ф.Ю. Ромодановский был известен своей непоколебимой приверженностью к старым обычаям и платью. Б.А. Успенский прямо связывает фигуру князя-кесаря с подготовкой изменения в титулатуре правителя России (долговременное пребывание у власти, причем далеко не шуточной, князь-кесаря должно было приучить если не подданных, то самого Петра к новой титулатуре, ориентированной не на Восток или Византию, как прежде, а на Запад). Точно так же, по мнению исследователя, поставление князь-папы предшествовало отмене патриаршества [1. С. 157, 158]. Чтобы решиться на важные перемены в традиции, ее следовало высмеять, добиться эффекта снижения.

Представляется, что принятие Петром императорского титула явилось закономерным финалом, кульминацией стремления Петра отрешиться от старой «царско-московской» идентичности и выстроить новую, с западным глянцем, но свою собственную. Здесь снова проявилась зафиксированная на подсознательном уровне установка на достижение вершины власти, которая, начиная со Средневековья и даже в XVIII столетии, ассоциировалась именно с титулом и статусом императора. Показательно, что в 20-е гг. XVIII в., став императором и выйдя триумфальным победителем из многолетней войны, т.е. видя реальные результаты своих трудов, Петр позволяет себе появляться на публике в парадных роскошных мундирах и соблюдать церемонии и титулатуру. Не менее важно, что в зрелые годы Петр чаще всего свои сугубо деловые письма к Ф.Ю. Ромодановскому подписывает так же, как послания к другим сотрудникам – просто «Петр». И сам Федор Юрьевич, по крайней мере с 1715 г., большинство писем к царю, в том числе и личного содержания (за редким исключением), подписывает просто «князь Федор Ромодановский», хотя и именуется царя по-прежнему согласно служебным рангам. Сравните, на-

пример, письмо Ф.Ю. Ромодановского от 1715 г.: «Господине капитан Петр Алексеевич здравие твое да сохранит господь на многа лета. Еще прошедшаго торжества веселием [о котором взятии города Шлотбурха] исполненно бе сердце мое, по котором вскоре последовала ведомость како особливым тщанием и храбростию вашею вторая знаменитая над неприятелем виктория на воде совершися взятием дву фрегатов и разгнанием достальных да сею и оная украсится, и тем побеждением вышшия неприятелем подадутся в сердцах их страхи, и гордостям их сокрушение. Тем же по должности нашей воздали мы, всеподающему Господу Богу хвалебное благодарение, а ваши сицевые к прежним на земли ныне же на водах храбрыя подвиги без достойные похвалы оставити не можем, яко при сем и зело похваляем желающе да и вопредь грядущи дни такими ж вашими прилежными воинскими трудами и наивышшия славныя победы, над теми, тщеславными супостаты совершася. Князь Федор Рамадановский» [25. Л. 404, 405].

Более того, если ранее Петр отчитывал своих сподвижников за проявления излишнего пиетета к своему монаршему достоинству, то письма второй половины его царствования, обращенные к нему, как правило, подписываются вполне традиционно, «по-московитски»: перед именем адресанта, даже если это ближайшие царские сподвижники, как правило, ставится униженная формулировка «вашего величества нижайший раб». Например, письмо от Ф.М. Апраксина, Г.И. Головкина и генерала И.И. Бутурлина от 25 августа 1715 г. начинается с обращения «всемилостивейший государь» и заканчивается подписями «нижайший раб адмирал Апраксин, нижайший раб генерал Бутурлин, раб ваш Гаврило Головкин» [26. Л. 94].

Однако помимо сходных черт, в «игре в царя» в разные периоды ее бытования можно проследить и различия. Для Ивана Грозного, ставшего «изобретателем» этой игры, эпизод с боярином Федоровым был сиюминутным всплеском неотрефлексируемого страха, не перешедшим в систему: в годы опричнины, разделив страну на две части, Иван и не подумал дать правителю земщины титул, сопоставимый с его собственным, хотя бы и в шутовском варианте, как это делал Петр. В казусе с Симеоном Бекбулатовичем такая номинация была произведена, однако, если принять версию пророчества как причины произошедшего, эта история носила характер рационализированной в мистических формах перестраховки. Так или иначе и этот случай оказался узко локализованным во времени.

Далее воспроизводство «игры в царя» князьями Шаховскими и тверскими крестьянами свидетельствовало о неустойчивости харизмы новой династии в глазах подданных, сохранявшейся в течение десятилетий после ее воцарения. Причиной стало появление в годы Смуты большого количества претендентов на престол, часть из которых были самозванцами, другие – «холопскими» царями. С утверждением на престоле Романовых эта проблема не исчезла: так же как Борис Годунов или Василий Шуйский, Михаил Федорович был царем выборным, из «простых» бояр, царевых слуг, родственная связь которого со старой «природной» династией была довольно натянутой. И хотя известных случаев «игры в царя» в XVII в. немного, следует учитывать и большое число са-

мозванцев, объявлявшихся в России в течение всего столетия, как верный признак неустойчивости авторитета новой власти (как уже упоминалось, Б.А. Успенский совершенно верно связывает эти два явления – «игру в царя» и самозванчество – как однокоренные).

Однако, несмотря на все эти проблемы, XVII столетие ознаменовалось постепенным укреплением самодержавия, что с очевидностью проявилось уже в правление Алексея Михайловича. Отсюда явственное затухание на несколько десятилетий политического самозванчества [27. С. 91] и «измельчание» престолярной версии «игры в царя», остатки которой сохранились лишь в отдельных эпизодах пьяных выходок. (Тем не менее все приведенные примеры с неосторожными высказываниями крестьян и колодников демонстрируют сохранение проблемы сниженного авторитета царской власти, что являлось не только отголоском Смуты, но и отражением «неадекватного» с точки зрения подданных поведения царя Петра.)

В поведении Петра «игра в царя» нашла свое наивысшее выражение. Здесь, в отличие от Ивана Грозного и от «престолярных» вариантов, мы видим постоянное воспроизводство игровых отношений «повелитель–подданный» в течение всей жизни царя-реформатора. Благодаря этому Петр имел возможность постепенно преодолевать свои страхи, связанные с властью. Очевидно, что само постоянное наличие рядом с этим честолюбивым монархом пародийного двойника говорит о его большей, нежели у Ивана, уверенности в себе. Так, шуты при дворе монархов должны были демонстрировать уверенность в себе их повелителей, ибо только сильный человек способен позволить смеяться над собой.

Эти различия в игровом поведении двух монархов связаны с особенностями их социально-психологической идентичности [28], так же как и со стилем их правления, более продуктивного в случае первого императора. Изменения в стиле и интенсивности игрового начала в течение жизни Петра дает достаточно оснований для вывода об успешном выполнении «игрой в царя» своих компенсаторных функций: утвердившись в качестве победоносного военачальника и великого монарха, Петр придает этой игре все меньше значения, так что она остается своего рода реликтом, отголоском юности.

Таким образом, «игра в царя», впервые фиксируемая в царствование Ивана Грозного, и приобретшая широкие масштабы в XVII – первой четверти XVIII в., очевидно, являлась отражением политико-идеологического кризиса и одновременно способом решения вызванных этим кризисом психологических проблем самими монархами. Здесь можно проследить целый ряд типологически сходных черт в правление Ивана IV и Петра I: оба правителя с помощью этой игры пытались снизить, перевести в несерьезный план свои бессознательные страхи, источником которых являлись не столько окружающие их конкретные люди, сколько груз нарушаемых ими традиций. Однако и различия в стиле этой игры двух монархов весьма показательны: при наличии сходных проблем, Петр, сделавший «игру в царя» как важный компенсаторный механизм постоянной частью своей жизни, умел справляться со своими страхами и комплексами, благодаря чему и оставил

после себя мощную (пусть в основном в политическом и военном плане) империю, тогда как наследием правления Ивана IV, не умевшего совладать со своими психологическими проблемами, стала многолетняя смута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. М., 1996. Т. 1. С. 142–183.
2. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера. 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 105–502.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1: 1688–1701. СПб., 1887.
4. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1992.
6. Мухин О.Н. Власть в петровской России: игровые и смеховые аспекты // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания: Материалы науч.-практ. семинара (Кемерово, 22–24 апреля 2003 г.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. Вып. 1. С. 45–51.
7. Полосин И. Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 1. С. 59–63.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. № 2. Ч. 4. Стб. 1240.
9. Перевезенцев С.В. Государь Иван IV Васильевич Грозный // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... М., 2005. С. 5–58.
10. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра I до смерти Николая I. М., 2002.
11. Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. I: Детство. Юность. Азовские походы. М., 2005.
12. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера. 1721–1725. // Юность державы. М., 2000. Ч. 2. С. 9–324.
13. Эрикссон Э.Г. Детство и общество. СПб., 2000.
14. Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 519–527.
15. Павленко Н.И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 40–102.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
17. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1990.
18. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1998.
19. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003.
20. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980.
21. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 9–396.
22. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский. Из книги «Самодержавие духа» // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... М., 2005. С. 628–655.
23. Hughes L. 'Nothing is Too Small for a Great Man': Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // The Slavonic and East European Review. October 2003. Vol. 81, № 4. P. 634–658.
24. Hughes L. I.M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflection on Russia in the Eighteenth Century. Papers from the VI. International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia / Ed. by J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje. Leiden, 1999. P. 43–51.
25. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Оп. 3. Ч. 2. Кн. 24.
26. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. I. Оп. 3. Ч. 2. Кн. 22.
27. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
28. Мухин О.Н. Иван Грозный и Петр I: к вопросу о роли личности правителя в процессах модернизации // Вестник ТГУ. История. № 2 (6). Томск, 2009. С. 80–83.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2010 г.